

ДАРЬЯ ШАХОВА*

ВЛАДИМИР БИБАХИН: ТОПОЛОГИЯ ВСТРЕЧИ**

Получено: 31.03.2024. Рецензировано: 28.04.2024. Принято: 16.07.2024.

Аннотация: В данной статье предпринимается попытка феноменологического описания акта встречи с другим с опорой на философские тексты В. В. Бибахина. Встреча рассматривается через призму следующих ключевых понятий бибахинской мысли: «мир», «пора», «событие», «другой» и «слово», в результате чего выстраивается определенная топология данного феномена. Первый пункт описания встречи в свете философии Владимира Бибахина — это место встречи, его «где», которым является мир. Мир понимается как целое, единое, как то, что ускользает от концептуализации, то, что захватывает нас и нашу мысль; мир как абсолютная открытость, тайна. Выход к миру, а значит, к встрече — через отрешенность, тишину, согласие. Далее в статье анализируется время встречи, которое описывается через бибахинское понятие «поры». Пора внекалендарна, событийна, уникальна, исторична, относится к моменту «вдруг», это кайротическое время. Пора — это время покаяния, метанойи, смены аспекта. Затем в статье обращается внимание на сущность феномена встречи, на его «что», которое понимается через концепцию «события» В. В. Бибахина. Событие — исторически конкретно, всегда ново, молниеносно и стихийно, нам неподвластно и неподконтрольно; оно связано с удивлением и озарением. Событие нас захватывает, погружает в себя. После этого в статье рассматривается фигура «другого», так как встреча — это всегда встреча с другим: с другим собой, с идеей, с Богом, с иным человеком. В итоге встреча с другим понимается как выход к инаковости по ту сторону представления, как узнавание себя-иного-настоящего. Топологическое описание акта встречи с другим завершается рассмотрением феномена слова. Слово — это весть о событии встречи. Через язык осуществляется выход к миру-единому. Слово понимается как продолжение человеческого тела. Без слова нет события, но и слова нет без события. В слове — наше свидетельство о мире; весть о событии лежит в начале общения и общества.

Ключевые слова: встреча, Бибахин, мир, пора, событие, другой, слово.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-285-309.

Я не вижу другой возможности улучшить наше положение чем расширение личных встреч между людьми разных жизненных миров всеми приличными средствами, лишь бы удалось не соскальзывать на общие места и пустые фразы.

Владимир Бибахин. «Наше положение»

*Шахова Дарья Сергеевна, аспирант, Университет Сорбонна (Париж), shakhova.spb.dasha@gmail.com, ORCID: 0000-0003-1879-8076.

**© Шахова, Д. С. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

МИР: «ГДЕ» ВСТРЕЧИ

Мы решили начать рассмотрение феномена встречи в свете философии Владимира Библихина с вопроса о месте, где эта встреча происходит. Осмелимся утверждать, что, скорее всего, в ответ от философа мы бы получили короткое слово «мир». Встреча, несомненно, происходит в мире. На первый взгляд, ответ кажется слишком очевидным, он как будто ничего не прибавляет к нашему пониманию. Однако оказывается, что все не так просто, если отважиться подойти к миру со всей строгостью философской мысли. Именно эту задачу ставит перед собой Владимир Библихин в своем первом авторском курсе лекций, прочитанном весной 1989 года в Институте теории и истории мировой культуры при философском факультете МГУ. Попробуем же и мы, следуя за его размышлениями, если не ответить на то, что есть мир, то как минимум приблизиться к его библихинскому пониманию.

Сегодня много внимания уделяется необходимости найти свое место в мире. Человек, потерпевший неудачу в этом непростом предприятии, так или иначе все-таки вынужден как-то устраиваться в нем. Но дело в том, что такое устраивание себя не может его удовлетворить, скорее это будет устраивать кого-то другого, но при этом сам он будет чувствовать потерянность, чуждость и неприкаянность. А что, если сначала попробовать найти мир? С такого предложения начинает свое размышление о мире Владимир Библихин.

Предложение, хоть и заманчивое, но не так просто поддающееся реализации. Мы определенно не можем видеть мир, мы всегда видим вещи, предметы, отдельных людей. Мы не можем обладать миром, не можем им завладеть, мы не можем дать одного всех удовлетворяющего определения мира; на самом деле, мы даже не можем его потерять. Мы все в мире: «человека без мира нет» (Библихин, 2020: 136)¹. Тогда необходимо задаться вопросом о том, что же дает нам доступ к этому «мирному» ощущению, как-таки его найти?

Мир нам дан как целое². При этом, «мы не знаем, что такое целое; мы его узнаем, когда оно есть» (там же: 18). Мир нас захватывает,

¹Оригинальная пунктуация В. В. Библихина сохранена в статье.

²Как отмечает в этой связи друг Владимира Библихина, философ Сергей Хоружий: «В тематизации Мира, которая развернута в курсе 1989 г., одно из самых онтологически нагруженных понятий — „целый мир“. Это — апофатическое понятие; „целый мир“, по Библихину, — самое необходимое..., и однако всегда неприступное, не данное, отсутствующее» (Хоружий, 2024).

окутывает; в мире мы дома, вне мира — мы бездомны. Сами, собственными силами создать мы его не можем, «мир дарят» (Бибихин, 2020). Очевидно, что чувство полноты не всегда присутствует в нашей жизни, это событийное состояние.

«Целый мир» бывает, когда нас захватывает чувство, одновременно с которым мы чувствуем, что оно не очерчено нашим телом, а относится ко всему. Таким чувством может быть беспричинная радость, которая стоит у здравого смысла под большим подозрением. Беспричинная радость относится ко всему миру, нам тогда кажется, что целый мир хорош, и мы несомненно знаем, что во всем мире нет ничего, что избежало бы этого чувства, т. е., стало быть, мы неким образом охватываем этим чувством целый мир (там же).

С целым миром нас также роднят и те чувства, когда кажется, что мир пополз, «во всем начинает мерещиться обман, неладность» (там же): ключевым здесь является то, что это наше настроение распространилось на весь мир.

На первый взгляд кажется, что такие размышления носят сугубо психологический характер, хотя мы взяли рассуждать о мире как целом. И тем не менее, Владимир Бибихин избирает именно такой путь, с самого начала давая понять, что к миру подойти напрямую и вплотную не получится, он всегда будет уклоняться от попыток навязать ему наше видение, наше понимание, ни в каких схемах и понятиях ни передать, ни ухватить его не получится.

Не нужно думать, — пишет Бибихин, — будто стоит нам занять ту или иную позицию, как произойдет что-то вроде хранения мира. Целое присутствует только в нашем надрыве от того, что его нет (там же: 138).

Может сложится впечатление, что мир намеренно скрывается от нас, он как будто не хочет, чтобы человек его нашел. На самом деле, дело обстоит совсем иначе: «мир не просто открыт и свободен, он сам и есть открытость и свобода. Ничего окончательного в мире не произошло, значит мир сбережен открытым» (Бибихин, 2010: 82). Абсолютная открытость мира — с одной стороны, с другой — всегда остается опасность того, что мир человеком так и не будет найден. Что же тогда становится препятствием этой встрече?

Пожалуй, главной ошибкой является спешность человека понять этот мир, приручить его, сделать своим. Наше сознание так устроено, что оно непрерывно набрасывает на окружающую его реальность привычные, знакомые, уже сформированные им образы, оно непрестанно подвергает все, что встает на его пути, интерпретациям; постоянно идет процесс

толкования мира, его перебаривания и присвоения. Общество приучает нас выстраивать стены защиты своего Я, учит предвидеть, взвешивать, выбирать; «правильное» поведение — это чувствовать себя в этом мире уверенно, твердо, победительно. Новое, доселе неизвестное, таинственное пугает: его непременно необходимо «обезоружить», понять, разъяснить себе и вписать в свою картину мира, внести как очередной отшлифованный кирпичик в здание своего мировоззрения; «свое, пусть малое, владение приносит больше, кажется, удовлетворения. Мы общество мелких владельцев» (Бибихин, 2015b: 42).

Нет никакого сомнения в том, что умение собирания мира в единое целое неоценимый дар, полученный человеком. И тем не менее, у этого процесса есть обратная сторона: увлекшись конструированием своего мирка, мы очень близки к тому, чтобы окончательно закрыть дверь перед миром. Занимаясь его частями, мы забываем, что есть мир как целое, и, что важно, охватить, разгадать который нам никогда не удастся.

Мир не то, что думают истолкователи. Мир всегда и больше и меньше чем им кажется, он неожиданный... Мир не то что недоразъяснен и требует окончательного верного мировоззрения, а он не такая вещь которой можно было бы вообще распорядиться. Мир загадка. Он сделан чтобы сводить нас с ума (там же: 156–157).

И, как мы помним, человека нет без мира. Настоящее переживается в нем, и только в нем. Ощущаем, что живем мы именно в мире, вне мира мы существуем, функционируем, заняты либо заботами о будущем, либо заботами прошлого.

Что делает нас присутствующими в мире? Открытость, согласие, принятие.

Я не *раньше* откуда-то знаю, — пишет Владимир Бибихин, — что такое целый мир, а в согласии мира, когда целый мир для меня такой, что я допускаю ему быть, я только начинаю знать, какой он (Бибихин, 2020: 82).

Мир нас захватывает, не мы его; последнее нам просто не по силам. Просто допустить вещам быть — оказывается сложнейшей задачей для человека-строителя мира. Он видит в мире изъяны, недоделанности, неточности, несправедливости; они требуют его немедленного вмешательства, его активизма. Но, конечно, не это приблизит нас к миру: мир не надо спасать, он есть, он лишь ждет нашего присутствия, т. е. нашего «да» — ему, миру.

Наше присутствие в мире можно описать через настроение, настроенность, на-строй. Так, Владимир Биbihин пишет об отрешенности как определенного рода «мирном» настроении, которое

не будучи приглашением погрузиться в разочарование и с вялым равнодушием отталкивать от себя мир, близко настроению строгой науки: не ждать и не надеяться, что есть разгадка всего, иметь дело с тем, с чем можно иметь дело, не терзаться положением, когда целое снова и снова ускользает от нашей хватки. Отрешенность учит, что самое захватывающее, первые начала и последние концы, не в человеческой власти (Биbihин, 2020: 51),

и дальше он точно замечает: «Согласитесь: это невыносимо. Трезвость, смирение, терпеливое благоразумие — невыносимы» (там же: 18).

Как нами было уже упомянуто выше, сознание практически не дает человеку высвободиться от режима схем, картин, мировоззрений, взвешиваний и мер. Вещи так или иначе подпадают под трактовку, рационализируются нашим разумом, впадают в подчинение нашей волей. Все затянато сетью стратегий и порядков³. Миру отведено человеком определенное место, определенное назначение. Мир человеком поделен, сам человек раздерган. Кажется, выхода нет, но он есть — это выход к миру в его тишине, согласии, безволии.

Тихое безмолвие мира не оставляет человека в покое, наоборот, захватывает. Захваченность поднимает человеческое существо. Прикосновение к миру неслышно снимает его, как лодку с мели. Да, мир незаметно правит всегда; его власть над нами, когда она не замечена нами, сказывается в безумной легкости наших отношений с ним. Но находим мы себя в нем не всегда. Мир приходит неслышно; чтобы расслышать его, надо услышать тишину.

³Заметим в этой связи, что каждый, кто хоть немного прикоснулся к философской мысли Владимира Биbihина, не мог не заметить ее особенное устройство, выбор которого, как нам кажется, кроме всего прочего, был продиктован мирным, но настойчивым биbihинским противлением любым схематизациям в философии. Как верно по этому поводу пишет исследователь творчества Владимира Биbihина, философ Александр Михайловский: «Работа мысли Биbihина подчеркнута неметодична и неаналитична... вместо схем, классификаций, дефиниций и т. д. слушателю/читателю предлагается новый и рискованный опыт прочтения хрестоматийных текстов, неотступное кружение вокруг *интересных* [...] и неприступных тем, челночное движение от частного к общему и от общего к частному, наконец, постоянная перенастройка оптики или смена аспекта в витгенштейновском духе: самое очевидное и наиболее употребляемое как раз менее всего очевидно, а потому его открытие всегда ново... [Требуемое от читателя герменевтическое усилие] имеет шанс состояться не иначе как через (1) следование самому тексту, отказ от внешних ему шаблонов и схем; и (2) увлеченность самим предметом мысли, или, говоря словами самого Биbihина, через „захваченность“ и „открытость“» (Михайловский, 2015: 307).

Тогда мы начинаем слышать голоса самих вещей как бы издали; они словно приходят в согласие. Мир не кроме вещей, но он и не вещь и не имеет голоса среди других голосов; он заколдованное и завораживающее согласие, такое, которого среди голосов мира не бывает (Бибихин, 2020: 58–59).

В тишине, в безмолвии услышать голос мира — вот задача. Ее исполнение необходимо, если мы хотим найти свое место в мире, если мы хотим присутствовать, если мы хотим свершаться, если мы желаем Встречи. Предприимчивость и активизм стоит оставить на пути ее осуществления: от нас не все зависит. Но это и не распускание себя. Это задача задач:

хранить целый мир, уже отсутствующий, через хранение себя, последнего оставшегося в мире места, где целый мир еще имеет себе место в памяти об отсутствии его спасенного целого, — это, может быть, и безумное, но единственное дело, оставшееся достойным человека (там же: 137).

По силам ли эта задача человеку? По крайней мере, мы должны о ней знать, если хотим найти мир, если хотим найти место в мире. Далеко не просто решиться на безусловное «да» миру, на позволение себе быть захваченным миром (а там — будь, что будет), на смиренное согласие с ним, на верность ему. Но только в мире мы можем встретиться с самими собой, узнать себя, и, что важно, это встреча с собой невозможна без связи с другим: «опыт мира невозможен без другого» (там же: 120) — почему это так, мы будем размышлять далее; в этом же разделе мы попытались дать феноменологическое описание самого «места» — мир — где опыт встречи возможен, где встреча свершается.

ПОРА: «КОГДА» ВСТРЕЧИ

Если мы принимаем тезис о том, что место встречи принадлежит миру, далее, на наш взгляд, логично будет задаться вопросом о времени встречи. Не будем забывать о том, что сам феномен времени до сих пор не оставляет в покое философскую мысль, поэтому и мы постараемся быть осторожными в наших рассуждениях о нем. Тайну времени также не мог обойти и Владимир Бибихин: оно стало одним из главных героев его курса лекций «Пора» на философском факультете МГУ в 1995–1996 гг.

Встреча, несомненно, происходит во времени, но о каком конкретно времени идет речь? Для того, чтобы различить это самое время встречи, подсветить его на фоне движущейся механически стрелки часов,

мы решили воспользоваться бибихинским понятием «пора», феноменологическое описание которого, мы надеемся, позволит нам лучше проникнуть в суть самого события встречи.

Когда мы слышим «пора», очевидно, что мы относим ее ко времени, в широком смысле эти два слова могут выступать синонимами. Однако, у поры есть свои особые модусы проявления, которые выделяют ее время из остального потока. «Пора единственна» (Бибихин, 2015а: 17), относится к моменту; она — скорее у Кайроса, чем у Хроноса. Пора

сама определяет нашу историю, так что мы ни в коем случае не можем переступить за пределы, продиктованные порой, за ее горизонт не выступим, все равно с каким бы возмущением сознание ни убеждало нас, что оно хозяин положения... Пора заставляет думать о «моменте», который нужно «ловить» [...]. Время и пора как открывшийся путь *внезапны* (там же: 19–20).

Пора всегда внекалендарна; событие поры не может оказаться в нашем расписании, среди наших намерений и замыслов, оно приходит вдруг. Ожидание поры не требует планирования, нашей инициативы, нервозности, скорее доверия — и именно в таком ожидании залог успеха⁴. Пора исторична, точнее, она приносит историю: новое, уникальное, небывалое. Пора — это всегда возвращение к настоящему, которому «противоположно не прошлое, не будущее, не вообще длительность, а ненастоящее» (Бибихин, 2012: 234); это время присутствия, в котором раскрывается и будущее, и прошлое, время-благо внутри времени. Пора ничему не противостоит, так, например, нельзя сказать, что она противопоставлена механистическому времени, но их взаимосплетенность ухватить непросто, они как бы идут парой: «от нас ускользает, вывертывается, где в настоящем летучий момент и где постоянное» (Бибихин, 2015а: 83–84).

Пора связана с встречей с большим, которое нас захватывает, хотим мы этого или не хотим. Большое, которым мы захвачены, — это всегда сдвиг, перемена.

Время разворачивается, — пишет Владимир Бибихин, — между «раньше» и «позже» события встречи с большим, на перепаде если хотите «в глубину», куда мы во всяком большом проваливаемся. — она же и глубина нашего существа, которая при встрече с большим раскрывается, а так — нет, может быть даже и никогда (там же: 52).

⁴Успех понимался Владимиром Бибихиным через «успеть», так, например, природа успешна.

Сдвиг — это что-то, что «предполагается величием» (Бибихин, 2015а: 53), которое проще всего потерять (там же: 64). Бессмысленно заниматься подсчетом сдвигов, они все уникальны и неповторимы и всегда в *настоящем* настоящем. Пора — это время сдвига-события, а «событие берет себе времени сколько ему надо и какого ему надо» (там же: 120); оно включает нас в свое измерение, нарушая наши счеты и меру времени;

событие растянуто, оно протяженное по свойству своей величины, величия, захватывающего... [оно] втягивает нас. Во времени мы прикасаемся не к «форме» события, а к нему самому (там же: 126).

Пора — это точка нашего собирания, нас настоящих, когда мы отвлечены от рассмотрения нашего прошлого, и не заняты планированием будущего. В этот момент есть нечто, что больше нас — и оно интереснее нас самих, оно захватывает и очаровывает. Можно даже сказать, что это точка принципиальной пассивности: от нас не требуется предприимчивости и инициативности, скорее — внимание и открытость; не стоит рассчитывать и на сиюминутное понимание:

о «понимании» события речь не может идти... потому что захват им предполагает смену аспектов, т. е. что мы *обязательно* посмотрим на него «другими глазами», и смена аспектов... не планируется и не вычисляется (там же).

Время нами воспринимается как что-то необратимое и безвозвратно ушедшее. Иначе обстоит дело с временем-порой. Можно сказать, что ее всегда можно наверстать, у нас всегда остается шанс нагнать ее — «войти» в пору. Мы как бы всегда приглашены, пора есть открытость. Если упустили приглашение сегодня, пора, кайротическое время остается; оно не задето нами, но оно никуда и не девается; мы можем почувствовать, услышать пору, а можем и нет. Как пишет Владимир Бибихин:

пора сейчас такая же свежая, так же требует собранности и обещает собранность как и упущенная пора... О *поре* не совсем можно говорить как о времени что она будто бы безвозвратно упущена, что-то мешает: время ушло необратимо, но *именно* потому что время ушло и потеряно, теперь *тем более пора* — а о времени нельзя сказать, что раз оно упущено, то оно тем более время. Тем более *мы* должны ценить время, тем дороже время, но мы не говорим: тем дороже пора (там же: 129).

Как мы отметили выше, с рекой времен, с Летой, мы связываем необратимость, она все уносит в прошлое, вернуть которое мы не можем. Однако, нам всем почему-то свойственно забывать о том, что эта же самая река не только уносит, но и приносит — все новое, небывалое

доселе, захватывающее нас. Это новое вытягивает нас из безвременья и бесконечности, из суеты и мельтешения и возвращает в время, в существование здесь и теперь, по-хайдеггеровски мы бы сказали, в вот-бытие, в присутствие, в *Dasein*. Здесь происходит упомянутая выше смена аспектов, изменение, сдвиг, метанойя; здесь мы попадаем в историю, одновременно высвобождаясь из бесконечных просторов

«вечных истин», «обобщений» «глобальных схем» [...] только тогда мы спасаемся от вечности или вернее от мнения о вечности избавляемся для настоящей вечности, как говорит это слово, «новой силы» (Бибихин, 2015а: 228).

Метанойя — то, что в нашем языке стало «покаянием» — в буквальном переводе с греческого значит «перемена мыслей, ума», такая, что, если я и помню себя до перемены, мне уже сложно понять себя того, прошлого, до-метанойного; витгенштейновская смена аспекта: я вдруг — другой,

отчего — не совсем отдаю себе отчета но раньше и не думал, что смогу так думать, так стать другим, хоть в этом себе, который стал вдруг другим, не узнаю чужого, узнаю себя настоящего [...] и полностью перехожу в новое [...] через порог такого покаяния я только и могу [...] шагнуть — не в «мир иной» о «мире ином» в отличие от «мира сего» Евангелие никогда не говорит; «мир сей» без сожалений оставляется, чтобы выйти из него в — вот евангельское выражение — «век грядущий» (Бибихин, 2020: 94).

Пора — это время «века грядущего», событийного, нас берущего в захват; и это, несомненно, требует смелости, решимости, решения — довериться, «это немножко как оказаться без парашюта — требует доверия земле или вернее подземному, смертному» (Бибихин, 2015а: 143).

Итак, время для нас непомерное, несмотря на все наши попытки его приручить и управлять им. Наши меры иллюзорны, «внутри сплошного захвата, который мы только искусственно делим на захват нас и захват наш» (там же: 147). Свойством времени, времени-поры является то, что оно «сцеплено с бытием и небытием» (там же: 227), а общее, одинаковое основание для обоих — событие (там же). Встреча — это, вне всякого сомнения, событие — феномен, рассмотрению которого мы посвятим следующий раздел нашего исследования.

СОБЫТИЕ: «ЧТО» ВСТРЕЧИ

Рассмотрев место и время встречи, мы, наконец, подобрались к описанию ее «чтойности», «такости», к ее феноменологической сути. Итак, в этом разделе нашим основным тезисом будет следующее утверждение:

встреча — это событие, феномен, который всегда занимал, правильное сказать, захватывал бибихинскую мысль⁵.

Встреча как событие — это, прежде всего, *уникальное* переживание, оно не имеет аналогов ни в нашей биографии, ни даже в мировой истории: «обобщенных событий не бывает. Событие имеет место только в этот исторический момент в этом единственном месте» (Бибихин, 2020: 175). Событие — это то, что вносит в нашу жизнь новизну, свежесть, трепет; то, что придает вкус и цвет жизни; то, что разбивает нашу повседневность, наши планы, замыслы и проекты; то, что рушит наши скрупулезно и добросовестно выстроенные концепции, представления, картины мира — то, что, наконец, выбрасывает нас в мир. Событие — это всегда событие мира. Оно есть «перевертывание и раскол. Событие всегда слишком ново» (Бибихин, 2010: 9).

Итак, запланировать событие невозможно, оно приходит вдруг и захватывает нас, не мы его: «никаким сверхусилием активной воли я без мира события не создам» (там же: 71). Без захваченности не может быть события. Но обычно мы чем-то всегда уже заняты: очередным, как нам кажется, крайне необходимым делом, но «новым, — обращает наше внимание Владимир Бибихин, — мы не занимаемся, новым мы бываем захвачены». Далее он замечает:

Мы заняты — обманывающее выражение. На самом деле нас никто не захватил и ничто не захватило, заняли мы на самом деле и продолжаем занимать самих себя. Совсем другое начинается, когда мы по-настоящему захвачены. Захватить может только новое. Когда мы захвачены событием — а ничто другое нас не захватит, — мы никогда не говорим и нам не придет на ум сказать, что у нас нет времени. У захваченного — увлеченного — как раз оказывается время (Бибихин, 2020: 257).

Своей величиной, своей дружостью, абсолютной инаковостью событие очаровывает, завораживает, но, в то же время, этим же оно и пугает. Со всем, что входит в нашу жизнь, мы привыкли распоряжаться похозяйски: все входящее мы тут же располагаем на нужной полочке, классифицируем, категоризируем, интегрируем в нашу картину мира —

⁵Как отмечает исследователь бибихинской мысли философ Михаил Богатов: «Концепция события у Бибихина... может быть смело поставлена в один ряд с пониманием события у Хайдеггера, Витгенштейна, Бахтина и Бадью. Перед нами пятая концепция события в философии XX–XXI веков, которая впитала в себя все предыдущие и представляет собой корректный ответ на них в пределах событийного мышления как такового» (Богатов, 2015).

другими словами, овладеваем, делаем своим, ставим под контроль. При этом, «соблазн справиться с событием, введя его в схему, тем больше, чем выше событие» (Бибихин, 2022: 390). Как бы мы ни старались, все наши попытки «справиться с событием» обречены: оно всегда превышает как нас, так и наши возможности понимания. Такой подход только наносит вред, так как «соблазняет подгонять, *вмысливать* неповторимость события в ту или иную схему... Ничего кроме стирания единственности события это не даст» (Бибихин, 1998: 49–50). Да и не в том состоит наша задача: главный труд — это дело внимания, которое невозможно без сохранения открытости, «которое не инструмент, взятый человеком, а то первое, куда он и должен падать» (Бибихин, 2011: 58).

На первый взгляд кажется, что труд внимания — вещь крайне нерезультативная, разве можем мы им что-то создать или изменить? Но будучи внимательными к захватившему нас событию, изменимся мы сами, «и не надо смущаться, что узнать себя и измениться мало, когда другие люди давно уже изменяют, потрясают и поражают мир» (Бибихин, 1998: 42). Более того,

когда говорят об изменении себя, то думают почти всегда одно: моя данность должна поставить себе цель и как-то расти, оставшись данностью с прибавлением желанного прироста. Но нет: чтобы измениться, не надо над собой совершать никаких экспериментов. Настоящее изменение приходит вдруг и так же незаметно, как все, что нами правит. В отличие от этого изменения, задуманные для спешного сотрясения мира, не настоящие. Они, кроме того, никогда не достигают своей цели (там же: 42–43).

Итак, событие всегда представляет собой шанс узнать себя; это дар мира нам, удалившимся от настоящей действительности и вещей, и тем самым уходящим все дальше в темноту от света мира. Такая возможность, приоткрывшись, может снова закрыться, если мы не готовы, но «лучшей подготовкой будет знание, что подготовиться здесь еще не все» (Бибихин, 2010: 80). Другими словами, «перспектива события как дара, требующего себе человека и отдающего захваченного им человека его сбывшемуся существу» (там же: 70) нами, на самом деле, желаемы; при этом неважно, осознаем мы это или не осознаем. Через событие раскрывается то, что сбывается (там же: 69); с событием всегда связаны удивление, озарение и понимание. Более того, настоящее сомнение — «философский камень» мысли — также входит с событием,

и, что важно, «только [с сомнением] получит шанс, сможет поднять голову несомненное» (Бибихин, 2020: 428).

Событие, кроме того, несет в себе дар освобождения, так как «приоткрываемая событием правда вещей дарит, отпускает человека из тесноты частных устроений на свободу белого света, таинственного простора мира» (Бибихин, 2010: 70). Захватывает в событии именно то, благодаря чему все, внутри и вокруг человека, окрашивается абсолютно по-новому, мир открывается и расширяется неожиданным для нас образом, мы становимся заодно с ним, вдруг начинаем его понимать; «свет события являет истину вещей, их не частный, а первый и потому последний смысл» (там же).

Дар свободы, получаемый нами в событии, не имеет, конечно, ничего общего с пониманием свободы как вседозволенности, как свободы, прежде всего, от чего-то⁶. Скорее наоборот,

дар свободы есть и вместе с тем высшая ответственность, не потому что за свободу надо отвечать, а потому что сохранить свободу можно только отвечая ей. Только захваченный свободой правды и принадлежащий ей человек сбывается в своем существе. Произвол разгуливается там, где есть принуждение. Безраздельный дар свободы есть безусловный долг... Захваченность уникальным подарком сковывает человека освободительной необходимостью (там же: 70).

В событии человек получает исключительный опыт причастности к чему-то гораздо большему, чем он есть сам, к чему-то предельно иному, к чуду, что ни его разумом, ни его воображением охвачено быть не может, к чему-то, что исцеляет его от отчужденности и изолированности в своем автономном я-субъекте; так, он становится соучастником дела мира, софии;

человек существует постольку, поскольку есть светящееся, что-то является — поскольку дает место, пространство событию. Человек не посторонний бытию, он сохнет и сникает, когда скатывается в безсобытийность (Бибихин, 2009: 14).

⁶ «Человек, вырывающийся на свободу из тесноты, обычно видит свободу как возможность несогласия, отказа, сопротивления, битвы, как возможность ухода. Владимир Вениаминович, — пишет О. А. Седакова, — знал другую, глубокую свободу: свободу согласия, принятия, прихода, возвращения — свободу мира. Покой этой свободы держится на том, что есть реальность, которая не нуждается в легитимации, которая ее не требует. Она и так *есть*» (Бибихин, Седакова, 2019: 282).

Беспомощность, как бы это странно ни звучало, может быть ключом к событию, другими словами, — наш крик о жизни, наше желание вырваться из скуки и усталости от рутины обыденности; общее для нас всех ощущение того, что есть высокое, ожидание «отзыва, знания, что тебя приняли в тот самый родной круг, предчувствие которого каждый несет в себе» (Бибихин, 2015b: 229). Что мешает этому крику о жизни? Владимир Бибихин указывает на смерть и ее безусловную власть над нами:

смерть выставляет доводы, приглашая смириться с очевидностью и наблюдать в молчании уход жизни. Приглашение отказаться от того, чего нет, и согласиться с тем, что есть, убедительно (там же).

Однако,

только безрассудство может спасти от разумных уговоров смерти, только в безумном крике может прорваться, открывшись и для тебя самого, та правда, что ты не вещь, а событие. Ни у кого не спросившее разрешения. Нигде не заручившееся гарантией (там же).

Человек — событие; его задача — отстоять жизнь в неравной схватке со смертью, с безжизненностью, когда всё и все вокруг призывают к благоразумию, здравому рассудку, к трезвому реализму. В этом его долг, его дар и в этом же его спасение.

Способен ли современный человек к этому призванию, по Бибихину единственно успешному — вот вопрос. Ведь сегодня успешность оценивается, прежде всего, исходя из личной предприимчивости и инициативности, крайне важным является список личных достижений, побед, приобретений; ключевые слова современности: проект, целеполагание, планирование и пр. К этому следует, несомненно, добавить и роль техники, на которую человек часто возлагает все свои мыслимые и немыслимые чаяния и надежды, в ней он ищет защиту и укрытие от страха и экзистенциального ужаса перед своей конечностью. Посредством техники мы пытаемся овладеть миром, тем самым наоборот отгораживаясь от него:

охватить «мир» как можно «глобальнее», теперь цель почти всякой деятельности, и такая направленность внимания значит вовсе не то, что земля стала привлекать внимание, а наоборот, что она заслонена схемами, экраном так, как никогда раньше (Бибихин, 2011: 54).

От необъятности, стихийности, своенравности и событийности настоящего мира мы бежим также в программирование будущего: ведь

там, как нам кажется, проблемы будут рано или поздно, но все-таки решены. Наше сознание с легкостью отдается делу фабрики грез и фантазий; и вот мир уже (пусть даже это и завтрашний мир) стал ручным, одомашненным, послушным. На самом же деле, побег от настоящего в контролируемое и идеализированное будущее — не только лишает нас жизни сегодня, более того, он лишает нас и будущего — как источника нового: событийного и животворящего. Осталось ли еще пространство для события в личной судьбе человека, а также в судьбе человечества? С одной стороны, кажется, что ответ очевиден: ведь событие — это не человеческий конструкт; он не может запретить событию быть; как мы помним, от нас не все зависит. С другой стороны, по-видимому, с событием дело обстоит так, что каждый, взглянув на себя и на мир вокруг, должен ответить на этот вопрос самостоятельно.

ДРУГОЙ: «КТО» ВСТРЕЧИ

В нашем исследовании топологии встречи мы вполне естественным образом подошли к феномену другого, к «кто» встречи. Но перед тем как непосредственно перейдем к нему, заметим, что особенностью настоящих встреч является то, что

от них, — как замечает Владимир Бибахин, — нет толку, но они единственное, что остается от жизни и что связывает с жизнью. Она по существу состоит из таких ускользающих моментов. Они настоящий опыт... Дело здесь в неповторимости события, которое хочет через нас быть и будет, если только у нас хватит сил его вынести [...] в такого рода ощущениях бессмысленностью дело не ограничивается, за ней, глубже нее встает тот самый «мир как есть» [...]. Если конечно человек умеет вынести панику бессмысленности. Сомнительно, что он может жить только в рамках придуманного смысла. Скорее наоборот. В тех рамках нечем дышать [...] — такие моменты похожи на точки, где как бы пришита или вернее начинает ткаться какая-то ткань. Истории? спасения? То, что человеку при этом тяжело, значит только, что ему повезло нести (вынести) мир (Бибахин, 2015b: 427–428).

Встреча — наш способ выхода к жизни и к миру, а значит, к другому. А зачем нам другой? Ведь человек может комфортно чувствовать себя одиночкой, бережно оберегая от других свое внутреннее, в какой-то степени и внешнее, пространство. Но, по-видимому, иначе как через другого встречи с собой настоящим произойти просто не может. Узнать себя, то есть узнать в себе другого — то есть себя настоящего — мы способны только будучи захваченными событием встречи с другим —

с словом, с миром, с Богом и с другим человеком, к встрече с которым мы и обратимся в этом разделе.

«Человек настолько теряет себя без другого, — пишет Владимир Бибихин, — что его вне отношения к другому, в отвлечении от него невозможно увидеть» (Бибихин, 2020: 115). Иначе говоря, другой в некотором роде спасает нас от нас же самих, причем делает он это, парадоксально, через возвращение нас к нам же самим. Попробуем разобраться, что именно здесь имеется ввиду. По всей видимости, человек — такое существо, что он нигде «не может вернее убежать от самого себя, чем занявшись самопознанием» (Бибихин, 2015b: 427–428). И напротив,

чтобы найти себя потерянному человеку, всего вернее, и это будет как выйти на воздух из комнаты, забыться, забыть хотя бы на время все в себе и себя и выйти на улицу, на люди, не отгораживаясь от неожиданностей, от внезапностей, от нового [...] вовсе не «познать себя» нужно мне, я и так задохнулся в самом себе, а лучше хоть немножко отвернуться от себя, стать другим или хотя бы просто увидеть другого, настоящего другого как мы говорим «интересного человека», а не все снова опять такого же как я, произносящего те же самые банальности (там же).

Почему в благородном, на первый взгляд, труде самопознания человек оказывается в итоге потерянным и заблудившемся? Несомненно, можно найти немало сторонников самокопания и самоанализа (современная культура предлагает нам десятки и сотни подобных практик), которые уверены в обратном — что именно эта деятельность погружения в себя может приблизить нас к пониманию нас самих. Более того, часто можно встретить мнение о том, что, не разобравшись в себе, — а это делать, как настоятельно советуют «эксперты», крайне желательно в присутствии психолога, — нам не стоит торопиться связывать себя серьезными отношениями с другими (например, заводить семью). Мы же попробуем утверждать обратное, а именно, что

мы скорее найдем себя, если бросим себя, например на какое-то дело... [Необходимо] без рассуждений бросить себя на что-то такое, что безусловно право... Без того, на что он [человек] может себя бросить, он нигде, неприкаян, что и значит лишний. От него требуется решительный поступок: бросить себя... Сам человек себе задание, как бы сырье, и если несвободен, то с самого начала как такое сырье он подключен, пристроен к чужому делу; но если *свободен*, т. е. не использован другими, он лишний, поэтому должен отдать себя заданию. Он ищет это призвание, в которое должен вложить себя; *сам по себе* он себе задача, неприкаянный лишний (там же: 7–8).

Наверное, продолжая мысль Владимира Бибикина, мы имеем право утверждать, что встреча с собой-другим-настоящим находится в *абсолютной* зависимости от другого, более того, в этой зависимости, в этом бросании себя на дело только и можно почувствовать себя свободным. Как определить, увидеть эту зависимость? «О зависимости от другого говорит совесть» (Бибикин, 2020: 117), а именно,

совестью⁷ я вижу, что я весь при другом, что я в самом своем существе другой, чем сейчас сознаю себя. Я угадываю в другом себя вовсе не по подобию с таким, каким себя сейчас сознаю, — *такого* другого я как раз никогда собой не признаю, такой меня скорее отталкивает, — но догадкой совести угадываю в другом себя такого, каким себя пока не знаю, настоящего. В неприступности, неподвластности другого я узнаю себя самого вместе с моей бездной и с моей неприступной каменностью (там же: 119).

Пожалуй, всем знакомо это ощущение крайнего удивления от самого себя, от своего поступка; ведь, сознание настойчиво уверяет нас в том, что что-то, но себя-то мы знаем: свои недостатки и достоинства, свои светлые и темные стороны; в целом мы более или менее представляем себе, как бы поступили в той или иной ситуации. И, тем не менее, оказывается, в момент вдруг, встречи, события — я-то на самом деле другой — и в этот самый неподвластный и неподконтрольный мне момент поры-времени я и есть истинный, настоящий. Именно во встрече я смог взглянуть на себя по-настоящему, и оказывается, я не один такой, так как одновременно узнав себя во встрече с другим, я увидел ту же неприступность в этом другом, то есть мою неспособность приспособить его к моему сознанию, невозможность безболезненно встроить его в мои схемы, иначе говоря, объективировать его. «Угадыванием себя в другом, любовью и ненавистью сцепляется человеческое общество, отсюда его нерушимая прочность, которую не сравнишь с прочностью договоров и условностей» (там же: 120).

⁷Считаем необходимым отметить, что Владимир Бибикин категорично отделял совесть от нравственности, видя в последней современную замену первой. По этому поводу он пишет: «Разрешить проблему добра и зла, бытия и небытия мы, люди а не боги, можем только в одном смысле: разрешив ей быть, допустив ей быть нашим настоящим. Ее обходят, когда называют ее этической и ставят в зависимость от нравственности. Нравственность способ уйти от неразрешимости добра и зла в воображение, будто каким-то своим устройством человек умеет или научится устраиваться так, чтобы угадывать в добро. Кто не достиг такого устройства, якобы попадает в зло... Вытеснение сознанием совести и его самоотжествление с нравственностью — злоецающая новость модерна» (Бибикин, 2017: 291).

Итак, общество не держится условностями и договоренностями, общество как мир — оно уже было до того, как возможность каких-либо договоров стала вообще реальна, оно уже было до нас.

Общество, напоминает наш язык, не устройство, а мир. Мир нельзя устроить, забыв, что он с самого начала уже был для человека тем целым, без которого человека еще нет. Тем, что человек с самого начала относится к миру, заранее предполагается его связь с другим (Бибихин, 2020: 124).

Перед человеком не стоит задачи устройства или переустройства общества, как видится, например, разного рода активистам или социалистам.

Возможность и призвание быть не муравейником, а миром обеспечена обществу тем, что человек узнает себя в другом и находит себя, только допустив себя до такого узнавания... В этом, но и только в этом смысле принадлежности другого к моему собственному существу я заранее принадлежу обществу как целому миру — а вовсе не в том смысле, будто общество коллективной властью вправе привязать меня к тому, чему я не могу сказать безусловного «да». Я найду себя только в мире. В его согласии, в допущении вещам быть тем, что они есть, в отпускании вещей на волю, в возвращении к чистому присутствию я встречаюсь с другим (там же: 125–126);

мы так устроены, так задуманы, что «с самого начала открыты значащему присутствию другого, *захвачены* им, — и всегда, хотим или не хотим, задеваем другого своим присутствием» (Бибихин, 2008: 36).

Вероятно, человеку не хочется признавать этой неизбежной зависимости от другого; сегодня призыв быть независимым и самодостаточным кажется многим куда более привлекательным. И как бы то ни было, никуда нам не деться от затронутости другим, мы можем это ненавидеть, пытаться не замечать, но мы уже всегда в нем. Пожалуй, более «продуктивным» было бы с нашей стороны попытаться открыть пространство понимания, так как

понимание, открытость и принятие, правит всеми телами и умами, оно само и есть ум, т. е. умение. Оно существо человека не потому, что человек такое исключительное существо, что ему природой дано в удел понимание, — понимание и без человека разлито во всей природе и правит всем, — а оно существо человека потому что человек не имеет в мире своей природы и не осуществится в своей истине, если не прикоснется к пониманию и не откроется в нем всему (Бибихин, 2015b: 40–41).

Понимание — как вслушивание в голос другого; это, конечно, нельзя приравнять к пассивному принятию какого-либо сообщения, информа-

ции⁸. Понимание — это жест гостеприимства, мы как бы высвобождаем в себе место и приглашаем туда другого; не пускаясь тут же пришедшее к нам интерпретировать и истолковывать (чему, действительно, трудно противостоять, так как именно к этому приучен до автоматизма наш рассудок), — таким образом, другой, чтоб быть и оставаться другим — другим, дарящим нам нас самих, требует работы принятия и мирного согласия; как верно отмечает Владимир Биbihин:

Никакой заранее готовой типологии, внутри которой оставалось бы только локализовать другого, в принципе не существует не из-за бесконечной сложности людей, а из-за их тайны. Настоящая встреча с другим происходит не внутри сколько угодно широкого универсума, подразумевается нашего. Другой, если говорить всерьез, это мне принципиально недоступный универсум... Я еще едва ли знаю, что такое другой, пока примериваюсь втиснуть его в свой широкий универсум. Я и сам себя тогда еще мало знаю (Биbihин, 2010: 121).

СЛОВО: «КАК» ВСТРЕЧИ

Наше исследование феномена встречи с другим мы заканчиваем рассмотрением слова. Без сомнения, слово непосредственно связано с языком и мыслью. Несмотря на огромное количество научных работ и исследований, посвященных языку, до сих пор остается немало вопросов, на которые нет ответов. Так, например, загадка происхождения языка до наших дней окончательно не решена, скорее наоборот, количество гипотез только возрастает, что не столько облегчает, сколько усложняет его понимание; можно сказать, что язык благополучно хранит от нас свою тайну, отстаивает свою субъектность, как бы давая нам понять, что он есть вещь мира, а не инструмент человека.

Люди, как известно, существа, которые не могут не наделять все и вся смыслом, значением, значимостью — и делают они это посредством слова. Как мы уже отметили, язык уходит вглубь человеческой истории настолько, что мы в принципе не имеем доступа к его истокам, можем ли мы вообще говорить о человеке до-языковом? По-видимому, природа человека сущностно языковая;

слово в звуке, тоне, ритме, темпе, метре, как образ, как исторически живущее — не постороннее тело, как дорожный знак, а продолжение человеческого

⁸В этом смысле точны слова французского философа и переводчика Мартина Хайдеггера Франсуа Феды: «*Слышать* что-то вы можете только в том случае, если вас и тот призыв, который обращен к вам, уже связывает некоторое понимание» (Феды, Седакова, 2018: 37). К слову сказать, Владимир Биbihин был знаком с Франсуа Феды и ценил их общение (см.: Биbihин, Седакова, 2019).

тела. Слово ближе нам чем дыхание, чем наше сознание, сознание идет следом за нашим словом; слово, пожалуй, ближе ко мне, чем мое я; я задним числом узнаю себя в своем слове (Бибихин, 2008: 38).

В основе языка — слово, которое дает мысли сбыться. Мысль же непосредственно связана со смыслом:

мысль, если она мысль, с самого начала уже есть то, чем оказывается в своем существе слово: она имеет смысл. Мысль поэтому всегда хранит исключительное отношение к слову (Бибихин, 2020: 142).

Слова нам необходимы, чтобы передать сообщение — весть, о случившемся, свершившемся, ставшем — о событии⁹. Необходимость передачи вести о событии лежит в начале как общества, так и общения; язык не просто одно из занятий человека, он есть его среда (там же: 152), «способ осуществиться во встрече с другими, [...] пространство нашего исторического бытия» (там же). Интересно также заметить, что, с одной стороны, мы имеем всеобщий, всечеловеческий язык, мы приходим в мир, где он уже есть, сложившийся и устоявшийся, то есть мы как бы встраиваемся в то, что создано не нами и нам не принадлежит; но, с другой стороны, именно язык позволяет нам обрести в обществе и посредством общения свою уникальность и неповторимость, осознать свою особенность и отличительность от других.

Если посмотреть на соотношение и связь мысли со словом, можно говорить об инструментализации со стороны мысли слова, оно — орудие мысли, которое соединяет мысль с миром, мысль словом прикасается к миру. Этим, конечно, не исчерпывается феномен мысли. Она — не простая функция приспособления человека к миру, такой взгляд был бы крайне поверхностным.

Мысль хранит себя только своей неприспособляемостью к жизни. Больше того, только не идя на соглашение с условиями, она может стать гарантом жизни. Стратегия мысли крупнее чем обслуживание даже хороших условий жизни. Мысль ставит себе целью сохранение смысла жизни. Мысль лучше жизни знает, в чем цель жизни (там же: 169).

⁹В тот же самый момент, слово также становится событием; в этой связи, в одной из статей, посвященных Владимиру Бибихину, его друг, философ Анатолий Ахутин пишет: «Когда слово касается события бытия, оно само происходит как событие. Мысль им не выражается, она в нем совершается. Какая-нибудь метафизическая теорема, например, *esse et unum convertuntur*, — только след, знак, примета некогда случившегося здесь события. А это значит, мыслящее слово не информирует, а трансформирует. Когда удастся подумать, случается понять, — тот, кому это удалось, уже не тот» (Ахутин, 2005).

Мы пришли к тому, что среда человека как существа исторического определяется языком, мыслью, а значит словом и смыслом. Именно это позволяет ему создавать свою биографию, человек словом выходит из области зоологии в область собственно человеческого. Язык лежит в основе понимания, и в то же время он является условием возможности расхождений, раздора.

Язык настолько обособляюще-разобщающая, насколько сообщающая среда [...] язык раздвигает, хранит и устраивает пространство между людьми. Благодаря языку каждый может занять свое место в этом пространстве отдельно от миллиардов других. Каждому из миллиардов язык позволяет быть таким особенным, каким в природном мире дано быть, возможно, только целым видам (Бибихин, 2020: 172).

Можно сказать, что без слова нет истории, но верным будет и обратное утверждение: без истории нет слова, иначе говоря, за словом всегда стоит событие, оно «несет на себе событие так, что в нем, казалось бы привычном и стершемся, проступает его исходная значительность. Она та же самая, что значительность события» (там же: 175); «слово в своем существе голос события» (там же: 176).

Слово дарит нам мир, то есть возможность в многообразии окружающих нас вещей увидеть, ухватить цельность, целое, единство. До конца понять, как же это происходит, мы на самом деле не можем: в этом тайна языка. Именно поэтому все попытки его рационализации, выявления базовых структур и схем не проясняют его сути, более того, они скорее отдаляют нас от нее. Проводя границы дефинициями между словами¹⁰, разбирая язык на кирпичики, делая из него объект нашего исследования, мы отрываем его от мира (справедливо будет сказать, что и от нас самих), искусственно выносим его вовне, тем самым, предполагая, что он что-то вне-мировое, что-то «неживое», как бы само по себе лишённое смысла, но без мира (логоса) и нет языка (как, собственно, и наоборот, что было отмечено нами ранее) — их взаимозависимость и взаимосвязь прямая и непосредственная.

В этой связи упомянем крайне интересные наблюдения Владимира Бибихина по поводу того, как ребенок «орудует» языком. Размышляя о феномене детского лепета, философ замечает:

¹⁰ «Слово живет не проведенным вокруг него забором, а той границей, которая похожа на внезапный блеск, на прозрение» (Бибихин, 2019: 77).

лепет ребенка по своей природе не имитация. Он представляет собой свободную игру только что возникшей у него способности к слоговой речи, которая на выходе дает нечто существенным образом отличное от речи, звучащей вокруг. Характеристики лепета детерминированы в большой мере изнутри... Лепетная стимулированная речь не всегда немедленно следует за стимулирующей, она может возникать много времени спустя после стимула. В промежутке ребенок обдумывает свой ответ на вызов окружения. Приходится говорить о самостоятельном стимулированном развитии речи (Бибихин, 2010: 102).

Действительно, ребенок отражает то, с чем имеет дело его организм, но в тоже время, по мысли Владимира Бибихина, говорить только о внешних физиологических стимулах, вызывающих детский лепет было бы опрометчиво;

совершенно естественно было бы предположить что определенные артикуляции лепета не в меньшей степени чем например интонация способны естественным (врожденным) путем отражать душевные события (там же: 103–104).

В этой связи философ делится интересным наблюдением:

самые тонкие, едва угадываемые в своих мотивах изменения в психическом состоянии отражаются на объеме лепета, его темпе, ритме, громкости, мелодике, интонации. Самыми длительными и разнообразными лепетными высказываниями являются ораторские монологи, которые могут длиться несколько минут, имеют свой пик увлеченности и постепенно угасают с ослаблением энтузиазма. Они начинаются только в хорошем расположении тела и духа, чаще вечером (там же: 103).

Ребенок естественным образом говорит с миром. Слыша речь взрослых, он также естественно реагирует на нее ответным лепетным высказыванием, он именуется мир, «он властный хозяин имен вещей» (там же: 105). Так, Владимир Бибихин склоняется к выводу о том, что «словоупотребление взрослых усваивается детьми не с нуля, а путем постепенной переработки и видоизменения изначально уже имеющейся у них способности именования» (там же: 106). Тем самым, язык, способность давания имен явлениям мира (а значит, наделения их смыслом) оказываются глубже и ближе к нашему естеству, чем кажется на первый взгляд. Ведь действительно до обретения речи ребенок же не молчит — с самых первых месяцев жизни он вступает в активное взаимодействие с миром, с другим. С помощью крика или лепета он не просто сообщает о своих физиологических потребностях, требуя

их немедленного удовлетворения, но он не в меньшей степени таким образом общается; у младенца

есть очень ранний навык выкрикивания, выпевания, разглашения своей ситуации, именованная своей вселенной. Ребенок своим первым криком и лепетом, так сказать, выносит сор из избы; ни у кого не прося на то разрешения, он по-своему высказывается о мире, сообщает невидимому третьей стороне о своем самочувствии со смелостью, много примеров которой может видеть каждый во всяком новом приходе в наш мир (Бибихин, 2010: 110).

Можно сказать, что ребенок не проводит различия между словами и вещами, оно появляется уже позднее, когда он освоит язык, речь взрослых. Этот феномен, по мнению Владимира Бибихина, «ощущается нами как залог того, что ребенок несет с собой мир не только в смысле вселенной, но и в смысле потенциального принятия действительности, примирения» (там же: 111). Его дальнейший спор с миром, который неминуемо в будущем появится, начиная уже с подросткового возраста, также указывает на то, что в нем заложено чувство необходимости высказать *свое* свидетельство о мире и обязательно сообщить *свое* слово о нем другим.

Итак, словом мы несем свое свидетельство о мире; в слове наша весть о событии, а как мы помним, «всякое событие есть прежде всего событие мира» (Бибихин, 2020: 201). Этим словом-свидетельством, в котором — «наша» истина о мире, мы обращаемся к другому, надеясь, несомненно, на понимание — на встречу. Однако, как мы все по личному опыту знаем, эта встреча может не произойти, и причину не всегда стоит искать в тех словах, которыми мы свидетельствуем: «Мы не чувствуем слово, пока не участвуем в событии, о котором слово» (там же: 216). В то же время, само понимание того, что мы не понимаем — уже ценно само по себе; не чувствуя слова, мы можем, тем не менее, сохранять свою открытость по отношению к другому, то есть по отношению к тем новым вопросам, которые он поставил перед нами своим словом, в нашей власти не спешить разом отмахиваться от них. Этой открытостью (можно сказать, растерянностью перед новым) мы сохраняем в себе живую мысль и живой поиск, который в принципе не имеет конца (тот самый гегелевский совет сохранять сознание, в отличие от чулка, незаштопаным), мы удерживаем живую связь с миром, а значит сохраняем возможность встрече все-таки свершиться.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахутин А. А.* Памяти В. В. Бибикина / Владимир Бибихин. — 2005. — URL: http://bibikhin.ru/pamyati_bibikhina (дата обр. 25 янв. 2024).
- Бибихин В. В.* Новый ренессанс. — М. : МАИК Наука, Прогресс-Традиция, 1998.
- Бибихин В. В.* Внутренняя форма слова. — СПб. : Наука, 2008. — (Слово о сущем ; 80).
- Бибихин В. В.* Чтение философии. — СПб. : Наука, 2009. — (Слово о сущем ; 83).
- Бибихин В. В.* Слово и событие. Писатель и литература. — М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010.
- Бибихин В. В.* Лес. — СПб. : Наука, 2011. — (Слово о сущем ; 94).
- Бибихин В. В.* Собственность. Философия своего. — СПб. : Наука, 2012. — (Слово о сущем ; 100).
- Бибихин В. В.* Пора (время-бытие). — СПб. : Владимир Даль, 2015а. — (Слово о сущем ; 113).
- Бибихин В. В.* Узнай себя. — СПб. : Наука, 2015b. — (Слово о сущем ; 119).
- Бибихин В. В.* Другое начало. — СПб. : Наука, 2017. — (Слово о сущем ; 120).
- Бибихин В. В.* Витгенштейн. Лекции и семинары 1994–1996 годов. — СПб. : Наука, 2019. — (Слово о сущем ; 121).
- Бибихин В. В.* Мир. Язык философии. — СПб. : Азбука-Аттикус, 2020.
- Бибихин В. В.* Алексей Федорович Лосев, Сергей Сергеевич Аверинцев. — СПб. : Владимир Даль, 2022. — (Слово о сущем ; 132).
- Бибихин В. В., Седакова О. А.* И слово слову отвечает. Письма 1992–2004 годов. — СПб. : Иван Лимбах, 2019.
- Богатов М. А.* Пора Бибикина (В. В. Бибихин. Пора (время-бытие)) / Владимир Бибихин. — 2015. — URL: http://bibikhin.ru/pora_bibikhina (дата обр. 21 янв. 2024).
- Михайловский А.* Онтологическая герменевтика Владимира Бибикина // *Stasis*. — 2015. — Т. 3, № 1. — С. 306–323.
- Федье Ф.* Голос друга / пер. с фр. О. А. Седаковой. — СПб. : Иван Лимбах, 2018.
- Хоружий С. С.* Входя в мир Бибикина / Владимир Бибихин. — URL: http://bibikhin.ru/vhodya_v_mir_bibikhina (дата обр. 17 янв. 2024).

Shakhova, D. S. 2024. "Vladimir Bibikhin: topologiya vstrechi [Vladimir Bibikhin: Topology of the Encounter]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (3), 285–309.

DARIA SHAKHOVA

PHD STUDENT IN PHILOSOPHY

SORBONNE UNIVERSITY (PARIS, FRANCE); ORCID: 0000-0003-1879-8076

VLADIMIR BIBIKHIN: TOPOLOGY OF THE ENCOUNTER

Submitted: Mar. 31, 2024. Reviewed: Apr. 28, 2024. Accepted: July 16, 2024.

Abstract: This article attempts to describe the phenomenon of encounter by drawing on the philosophical texts of Vladimir Bibikhin. The encounter is considered through the prism of key concepts of Bibikhin's thought: "the world", "the moment", "the event", "the other", and "the word". The first point in describing the encounter is its place, which is the world. The world is understood as a whole, as something that eludes conceptualisation, yet captures us and our thought. Access to the world, and thus to the encounter, extends through detachment, silence, consent. The article further analyzes the time of the encounter, which is described through Bibikhin's concept of "the moment". The moment is off-calendar, eventful, unique, it is kairotic time. The article then draws attention to the essence of the phenomenon of encounter, which is understood through Bibikhin's concept of "event". The event is historically concrete, always new, lightning-fast and spontaneous, it is beyond our control. The article then considers the figure of "the other", since the encounter is always an encounter with the other: with the other self, with God, with another person. As a result, the encounter is understood as an entrance to otherness on the other side of representation. The description of the encounter is completed through considering the phenomenon of the word. The word is the message of the event of the encounter. Without the word there is no event, but there is no word without an event. The message of the event lies at the beginning of communication and society.

Keywords: Encounter, Bibikhin, the World, the Moment, the Event, the Other, the Word.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-3-285-309.

REFERENCES

- Akhutin, A. A. 2005. "Pamyati V. V. Bibikhina [In Memory of V. V. Bibikhin]" [in Russian]. Vladimir Bibikhin. Accessed Jan. 25, 2024. http://bibikhin.ru/pamyati_bibikhina.
- Bibikhin, V. V. 1998. *Novyy renessans [The New Renaissance]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: MAIK Nauka / Progress-Traditsiya.
- . 2008. *Vnutrennyaya forma slova [The Internal Form of the Word]* [in Russian]. Slovo o sushchem 80. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2009. *Chteniye filosofii [Reading Philosophy]* [in Russian]. Slovo o sushchem 83. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2010. *Slovo i sobytiye. Pisatel' i literatura [Word and Event. The Writer and Literature]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke [Russian Science and Education Aid Foundation].
- . 2011. *Les [The Woods]* [in Russian]. Slovo o sushchem 94. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2012. *Sobstvennost'. Filosofiya svoeyego [Ownership. Philosophy of the Ownership]* [in Russian]. Slovo o sushchem 100. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.

- . 2015a. *Pora (vremya-bytiye) [The Moment (Time-Being)]* [in Russian]. Slovo o sushchem 113. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- . 2015b. *Uznay sebya [Discover Yourself]* [in Russian]. Slovo o sushchem 119. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2017. *Drugoye nachalo [Another Beginning]* [in Russian]. Slovo o sushchem 120. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2019. *Vitgenshteyn. Lektsii i seminar 1994–1996 godov [Wittgenstein. Lectures and Seminars 1994–1996]* [in Russian]. Slovo o sushchem 121. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2020. *Mir. Yazyk filosofii [The World. Language of Philosophy]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Azbuka-Attikus.
- . 2022. *Aleksey Fedorovich Losev, Sergey Sergeevich Averintsev [Aleksiej Fedorovich Losev, Sergej Sergeevich Averincev]* [in Russian]. Slovo o sushchem 132. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- Bibikhin, V. V., and O. A. Sedakova. 2019. *I slovo slovu otvechayet. Pis'ma 1992–2004 godov [And the Word Answers the Word. Letters 1992–2004]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Ivan Limbakh [Ivan Limbakh Publishing House].
- Bogatov, M. A. 2015. “Pora Bibikhina (V. V. Bibikhin. Pora (vremya-bytiye)) [Bibikhin's Moment V. V. Bibikhin (The Moment (Time-Being))]” [in Russian]. Vladimir Bibikhin. Accessed Jan. 21, 2024. http://bibikhin.ru/pora_bibikhina.
- Fédier, F. 2018. *Golos druga [Voix de l'ami]* [in Russian]. Trans. from the French by O. A. Sedakova. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Ivan Limbakh [Ivan Limbakh Publishing House].
- Khoruzhiy, S. S. “Vkhodya v mir Bibikhina [Entering the World of Bibikhin]” [in Russian]. Vladimir Bibikhin. Accessed Jan. 17, 2024. http://bibikhin.ru/vhodya_v_mir_bibikhina.
- Mikhaylovskiy, A. 2015. “Ontologicheskaya germenevtika Vladimira Bibikhina [Ontological Hermeneutics of V. V. Bibikhin]” [in Russian]. *Stasis* 3 (1): 306–323.